

Янь Цзысинь, при всей своей никчемности, по сути был человеком недалеким. Единственный сын в семье, с детства избалованный родителями и опекаемый старшими, он привык идти напролом и никогда прежде не оказывался в подобной ситуации.

— Ся Мэнцзин, ты с ума сошел? — Янь Цзысинь не смел обернуться, чувствуя холод металла у своего горла. Он не видел выражения лица Ло Чэнъюня, но ощущал тепло его руки, лежащей на плече. — Предупреждаю, не вздумай глупить. Они все снаружи, стоит мне крикнуть, и тебе конец.

Угроза Янь Цзысиня звучала уверенно, но на фоне его нынешнего состояния казалась жалкой.

— Ты посмеешь? — дыхание Ло Чэнъюня щекотало ухо Янь Цзысиня. Его голос, всегда холодный и отстраненный, сейчас приобрел пугающие, жестокие нотки.

Холод, исходящий из самой глубины души, заставил Янь Цзысиня задрожать. Никогда прежде он не испытывал такого страха. Опасаясь, что Ло Чэнъюнь действительно покончит с ним здесь и сейчас, он решил, что собственная безопасность важнее, чем жизнь его возлюбленного:

— Успокойся, давай без крайностей. Ладно, не нужна мне твоя почка, доволен?

Ло Чэнъюнь промолчал.

Янь Цзысинь решил повысить ставки и снова заверил:

— Просто отпусти меня, и я забуду обо всем, что случилось сегодня. Мы больше никогда не пересечемся. Я не буду лезть к тебе, а ты не будешь мозолить мне глаза. По рукам?

— И правда боишься, что я пушу нож в ход? — Ло Чэнъюнь ослабил хватку, позволяя Янь Цзысиню сделать глубокий вдох.

— Попал же я, связавшись с тобой, — зло прошипел Янь Цзысинь. — Нарвался на бешеную собаку, которой нечего терять.

Ло Чэнъюнь едва заметно повел кистью, и Янь Цзысинь, только что выпрямившийся, вынужден был согнуться, словно у него разом выпустили весь воздух.

— Прикажи своим людям уйти, — Ло Чэнъюнь пнул его по лодыжке.

Янь Цзысинь закатил глаза и, смирившись, полез в карман:

— Жди.

После короткого разговора по телефону охрана, стоявшая у входа, удалилась. Янь Цзысинь высоко поднял экран смартфона, демонстрируя завершённый вызов:

— Доволен?

— Вставай, — Ло Чэньюнь отпустил его.

Янь Цзысинь тут же вскочил и, не заботясь о чистоте, сел на пожелтевшую больничную койку подальше от Ло Чэньюня, не сводя с него настороженного взгляда.

Ло Чэньюнь наклонился, чтобы разрезать веревки на ногах:

— Сколько ты им заплатил?

— Сто тысяч, — ошарашенно ответил Янь Цзысинь.

— Тебя надули, — добродушно заметил Ло Чэньюнь. — Даже узлы вязать не умеют, не стоят они таких денег.

— Не твоё дело, — Янь Цзысинь, и так взбешённый тем, что его держали в заложниках, теперь чувствовал себя ещё и униженным.

Ло Чэньюнь коснулся своей шеи. Янь Цзысинь, решив, что это напоминание о недавней угрозе, огрызнулся:

— Чего тебе?

— Не забудь обработать рану на шее, — Ло Чэньюнь бросил скальпель на пол. Лезвие было слишком острым, и из-за дерганий Янь Цзысиня он успел немного пораниться. — Ты сам принес этот нож, так что должен знать, насколько он опасен.

Янь Цзысинь коснулся шеи и, увидев на пальцах кровь, запаниковал:

— Черт!

— Бинты на столе. Раз уж ты выбрал это место, пользуйся своими вещами сам, — Ло Чэньюнь поднялся и перед уходом добавил: — Запись с камер парковки я передам в полицию. Боюсь, десяти тысяч не хватит, чтобы они тебя не сдали.

Янь Цзысинь судорожно замотал шею бинтами, напоминая жалкого побитого пса. Руки его дрожали, а зубы скрежетали от ярости.

Ло Чэньюнь, стоя спиной к нему у дверей, под ненавидящим взглядом Янь Цзысиня вышел и закрыл дверь.

Глубокой ночью пронизывающий ветер пробирал до костей. Ло Чэньюнь шел по безлюдной тропинке, где лишь шелест листвы да луна составляли ему компанию. С каждым шагом холод становился все невыносимее.

Тот, кто дорожил прошлым, никогда не был Янь Цзысинем. Этим человеком был он сам.

Ло Чэньюнь успел вызвать такси, когда телефон почти разрядился. Домой он вернулся в четыре утра. Остатки лекарств наконец подействовали, и тело охватила такая невыносимая усталость, что, не имея сил пошевелить даже пальцем, он просто рухнул на кровать.

[Хозяин, к чему такая упрямость? Система могла бы предложить тебе куда более эффективные способы решения.]

Ло Чэньюнь едва дернул веком, но сознание уже уплывало, и он не расслышал слов Системы, погружаясь в сон.

[Радостная новость: господин Ло снова не пришел в офис.]

С самого утра эта весть разлетелась по корпоративным чатам. Многие сотрудники облегченно выдохнули. Хотя Ло Чэньюнь был хорош собой, аура вокруг него внушала ужас. Говорили, что одна сотрудница отдела дизайна лишилась годовой премии только за то, что проехала с ним в одном лифте. Что уж говорить о тех, кто не успевал сдать отчеты в срок. Каждый день работы в Яфэн был для них милостью господина Ло.

Сотрудники праздновали, а Ло Чэньюнь проспал весь день.

Проснувшись, он почувствовал тяжесть в голове. Сев на кровати, он ощутил, как вокруг него сгустилась мрачная атмосфера.

Он терпел слишком долго, и Янь Цзысинь все-таки перешел черту.

Ло Чэньюнь набрал номер:

— Босс, что-то случилось? — голос помощника на том конце провода звучал подобострастно.

— Сотрудничество с Сяоцзинь расторгнуть, — отрезал Ло Чэньюнь.

— Смотри на этот нож. Еще секунда — и он пронзит твое горло.

Янь Цзысинь резко сел на кровати, бледный как полотно, в холодном поту. Рубашка на спине прилипла к телу, а на шее, под толстым слоем ваты, ныла рана.

Он обхватил колени руками, и ярость в его глазах грозила сжечь его изнутри:

— Ся Мэнцзин, ты псих!

Телефон завибрировал. Янь Цзысинь ответил, не скрывая раздражения:

— Говори быстрее, чего надо?

— Господин Янь, беда. Яфэн разрывает контракт.

— Как такое возможно?

— Их босс сказал, что хочет переговорить лично.

— Кто их босс?

— Ло Чэньюнь.

Янь Цзысинь нахмурился, услышав это имя впервые, и машинально выругался:

— Откуда еще вылез этот ублюдок?

— Ладно, пусть говорит, что хочет. Когда встреча? — проворчал он.

— Завтра в восемь вечера.

Ло Чэньюнь просматривал заметки Ся Мэнцзина. Там было полно мелочей о Янь Цзысине — с самого начала их отношений и до ночи перед тем, как тот собрался вырезать ему почку.

[Цзысинь не переносит острое, ни в коем случае нельзя, запомни.]

[Он такой милый, когда напивается и плачет, обнимая меня, совсем как ребенок. Но впредь надо следить, чтобы он меньше пил.]

[Кто такой Ши Чжао? Кажется, Цзысинь очень беспокоится о нем.]

...

[Пусть у Цзысиня тяжелый характер, на самом деле он очень хороший человек.]

[Сегодня я полюбил Цзысиня еще чуточку больше.]

[Цзысинь просит меня пожертвовать почку для Ши Чжао, говорит, что Ши Чжао для него очень важен. А как же я?]

Ло Чэнъюнь читал об этих глупостях, совершенных Янь Цзысинем, и чувствовал, как внутри все холодеет.

Терпение Ся Мэнцзина было поистине безграничным. Будь на его месте сам Ло Чэнъюнь, он бы сломал этому человеку ноги уже через полчаса, а не через годы.

Впрочем, неважно. Янь Цзысинь в конце концов пожнет плоды своих злодеяний.

Следующий день, восемь тридцать вечера.

Янь Цзысинь с помощником прождали полчаса, но никто не появился. Терпение Янь Цзысиня было на исходе, он с грохотом бросил чашку на стол:

— Он придет или нет? Если нет, я ухожу.

Помощник пробормотал:

— Подождите еще немного, сказали, что уже в пути.

— Почему не поторопишь их?

— Да, да, сейчас схожу.

— Кто он такой, чтобы я его ждал? — Янь Цзысинь сжал кулаки, в его глазах пылал гнев.

Дверь отворилась.

Ло Чэнъюнь в строгом костюме медленно вошел в комнату. На переносице у него красовались очки в золотой оправе. Он вел себя так, словно перед ним был совершенно чужой человек, даже не взглянув на Янь Цзысиня, он отодвинул стул и сел напротив.

Янь Цзысинь вскочил, ошеломленный, и, указывая пальцем, выкрикнул:

— Ся Мэнцзин?

Помощник в тот же момент поклонился:

— Господин Ло.

<http://bllate.org/book/21617/2229830>